

Светлана Данилина: Добрый день! Мы рады вас приветствовать на нашей, на мой взгляд, достаточно важной сессии «Образование. Кадры для промышленности». Позвольте вам представить Олег Смолин, модератор данной сессии, первый заместитель Председателя комитета Государственной Думы РФ по науке и высшему образованию, председатель Общероссийского общественного движения «Образование – для всех». Олег Николаевич откроет нашу сессию.

Олег Смолин: Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемая Светлана Данилина. Позвольте мне от имени Думского комитета по науке и высшему образованию сердечно приветствовать участников, собравшихся в этом зале. Начну с извинений. Параллельно происходит заседание Государственной Думы, на котором должен рассматриваться мой законопроект, посвященный подготовке кадров в Высшей школе, но он стоит в хвосте повестки. Возможно, до него не дойдут. Поэтому, если вдруг мне сообщат, что приближается мой законопроект, я вынужден буду оставить Светлану Евгеньевну в одиночестве.

Позвольте несколько слов по сути дела. Недавно на съезде «Российского союза промышленников и предпринимателей» были озвучены данные опроса широкого круга этих самых промышленников и предпринимателей, 75% опрошенных заявили, что главная проблема – это кадры. Как и в 30-е годы люди прекрасно понимают, что кадры решают, если не все, то, во всяком случае, очень многое. Проблема кадров для промышленности с моей точки зрения содержит много составляющих, но я хочу по два слова сказать о двух. Первая составляющая – проблема подготовки рабочих кадров. Коллеги, мы имеем парадокс. После девятого класса более 60% всех школьников – чего не было ни в какие советские времена – отправляются в систему профессионального образования. При этом все промышленники хорошо знают, что проблема рабочих кадров стоит достаточно остро – высококвалифицированных рабочих дефицит.

В чем дело? Как ни странно, дело в том самом слове, которое содержит три буквы – ЕГЭ. Дело в том, что значительная часть ребят идут в систему профобразования не потому, что они хотят получить эту самую профессию, а потому, что они не хотят сдавать единый государственный экзамен. По опросам около 70% всех граждан Российской Федерации выступает против ЕГЭ. И сегодня даже Председатель Государственной Думы Вячеслав Володин сказал нам, что ЕГЭ создает нам много проблем. Действительно, создает.

Мы неоднократно предлагали законопроект о переводе ЕГЭ в добровольный режим. Если парню из Омской области хочется непременно поступать в Московский и Санкт-Петербургский вуз, тогда сдавай ЕГЭ. Если в свой родной вуз или колледж, то ЕГЭ сдавать, с нашей точки зрения, совершенно не обязательно.

Еще одно последствие ухода ребят в систему профобразования заключается в том, что очень многие из них идут не на рабочие специальности, а на специальности, после которых они надеются получить более высокую заработную плату.

Например, на юриспруденции или в аптекарском деле и в медицинских специальностях, вообще, более 80-90% всех мест в системе профессионального образования платные. Согласно Конституции и закону у нас профессиональное образование общедоступно и бесплатно. По факту уже 43% тех, кто там учится, платит за свое обучение, причем не только обучение профессиональное, но и за школьное обучение, поскольку параллельно они получают общее среднее образование. Вот вам одно из последствий единого государственного экзамена, которое мало кто прогнозировал. Другими словами, при том, что количество обучающихся студентов в системе среднего профобразования большое, кадровая проблема с рабочими специальностями остается достаточно острой.

Вторая проблема. Их не две, на самом деле, их, конечно, больше.

Это проблема подготовки высококвалифицированных, с высшим образованием, в частности, инженерных кадров. Коллеги, я всегда слушаю практиков, может быть, сегодня услышу что-то другое. Но от моих коллег, которые занимаются кадрами в Омской промышленности, в том числе оборонной, я регулярно слышу тревожные заявления. Если уйдет современное поколение конструкторов, заменить их будет крайне сложно.

Одна из причин ситуации, которую мы имеем, это принудительное введение в России так называемой «Болонской системы». Мы когда-то законом о высшем образовании 1996 года разрешили нашим университетам участвовать в «Болонской системе», выстраивать образование по формуле: бакалавриат, магистратура. И до того времени, пока эта система была добровольной для университетов, 90% всех выпускников выходили специалистами, 10% бакалаврами. Действительно, есть специальности, где бакалаврского образования достаточно. Чем более высокая требуется квалификация, тем менее оно достаточно. И не только потому, как многие, думают, бакалавр учится на год меньше. Дело в том, что это разные типы образования.

Бакалавриат – это образование, которое можно сравнить с размазанным по тарелке тонким слоем, широкое, но мелкое. Специалитет – образование более глубокое, его можно уподобить кувшину – более глубокое и более узкое. Для понимания многолетний ректор Омского технического университета нам говорил неоднократно: «Специалиста мы готовили как будущего конструктора, а бакалавра мы готовим как будущего пользователя чужими конструкторскими разработками». Фундаментальных дисциплин бакалавр получает не на 20% меньше, как можно было бы предполагать, а в полтора раза меньше, чем специалист. Понятно, что это не может не сказаться на качестве образования.

Поэтому сейчас Президент РФ озвучил основные идеи, я перевожу их на простой язык. Первое – сократить подготовку по линии бакалавриата, увеличить подготовку по линии специалитета. Это правильно. Сейчас специалистов у нас только 13% выпускников. Второе – сохранить магистратуру как возможность либо узкой специализации, либо углубления образования. Это тоже правильно. Система образования не любит ломки, не надо ее ломать через колено. Третье – вывести аспирантуру из системы высшего образования в

отдельный уровень профессионального образования, вообще. Чтобы аспирант не занимался отчетничеством, а занимался научными исследованиями, как это всегда и было.

Вот наш законопроект, который, может быть, будет сегодня, а скорее опять до него сегодня не дойдут, призван решить одну из проблем. Мы внесли его еще в июне прошлого года. Коллеги, мы прекрасно понимаем, что проблема многоаспектная. Я думаю, что сегодняшнее обсуждение, может быть, поможет нам приблизиться к некоторым, в том числе законодательным или нормативным правовым решениям. У каждого свой подход. Спасибо большое за терпение. Я предоставляю слово Светлане Евгеньевне Данилиной, вице-президенту АО «Таурас-Феникс».

Светлана Данилина: Благодарю, Олег Николаевич. Действительно, у нас проблема достаточно остро стоит. Недавно я читала о том, что конкретно в секторе ОПК не хватает рабочих, не хватает инженерных специальностей порядка 25 тысяч. Это только ОПК. Здесь мы не говорим о других машиностроительных предприятиях, станкостроении – другой направленности. И эта проблема сейчас уже достаточно катастрофична. В некоторых регионах люди не могут набрать персонал, уже готовы брать с обучением, как угодно. Но никто не идет. И здесь остро встает вопрос о престижности работы в промышленности, работы у станков и всего остального, с этим связанного.

Второй момент – учебные заведения бьют колокола, школы бьют колокола, потому что некому учить. Где наш преподавательский состав? Олег Николаевич все очень правильно говорит. Раньше готовили инженера-конструктора, т.е. человек выходил уже с базовыми знаниями, как сейчас модно говорить, с базовыми компетенциями и т.д. Сейчас мы получаем человека, который готов дообучаться базовым знаниям и компетенциям, но уже на предприятии. В моменте практики многие ребята начинают это уже изучать, просто увлекаться профессией и вникать в это.

Но, к сожалению, сегодня, как мне кажется, непрестижно быть токарем, фрезеровщиком, оператором и т.д., поэтому сейчас я хотела бы на эту тему пригласить Илью Бердникова. Это директор по развитию Санкт-Петербургского колледжа «ТКУиК». Этот колледж готовит кадры для машиностроительных предприятий и не только.

Илья Бердников: Уважаемые друзья, коллеги, добрый день! Готовясь к сегодняшнему выступлению, я уже третий раз в голове переформулировал свой доклад. После первых двух сессий и после выступления Олега Николаевича. На первой сессии был озвучен такой тезис, что нужно поднимать престиж инженера, престиж рабочего. Я считаю, что это можно сделать только после поднятия престижа учителя и преподавателя. Как только мы поднимем этот престиж, у нас появятся и рабочие кадры, и специалисты, и инженеры. Это первый тезис.

Второй – на сегодняшний день у нас в системе среднего профессионального образования обучается 3,4 млн человек – это СПО-мониторинг. Из них 16,8% – это рабочие кадры, а 83% – это среднее профессиональное образование – это техники и специалисты. Из этого можно

сделать какой вывод? Мы говорим, что требуются рабочие, а система всего готовит 16%. Посмотрел статистику по 1991 году. Было ровно наоборот. В советской системе выпускалось 83% рабочих и 17% специалистов среднего звена. А если мы посчитаем, что на 17% у нас приходится 83% технарей и еще высшего образования, то получается на одного рабочего 10 начальников.

Второй тезис. Мы говорили про инженера, что в период индустриализации рост подготовки был до 30%, сегодня его нет. Я считаю, что его и не будет, потому что в то время было больше необразованных граждан. Потом был большой рывок, открывались университеты, был скачок. Наверное, на сегодняшний день нужно говорить о качестве подготовки будущих специалистов, а не об их количестве.

И второй момент, Олег Николаевич может добавит или подправит меня, мы должны все-таки подумать о коммерческой системе обучения. Мое мнение, что она немного разложила систему образования. По крайней мере в систему высшего образования попадают лишние люди, которые не должны были там учиться.

Мы проговаривали, чтобы рассмотреть вопрос про популяризацию рабочих профессий для молодежи. Когда мы на базе учреждения, собираем мероприятия и говорим: «Кто же должен этим заниматься?» Крупные работодатели говорят: «Вы – образование, вы должны популяризировать». Мы смотрим на работодателей и говорим: «Вы – работодатели, вы должны помогать». На это у меня есть свой взгляд. Я считаю, что это должно начинаться с детского сада. Детский сад, популяризация: воспитатель, нянечка, повар. На сегодняшний день в большинстве школ бытует такое мнение, что будешь плохо учиться, пойдешь в колледж.

Не везде, но все же это есть.

Когда мы в образовании начинаем рассказывать про себя, мы, в частности, рекламируем свою материально-техническую базу, мы рекламируем свои профессии. Но современному школьнику интересно послушать, не какие крутые образовательные учреждения, а какие у нас крутые предприятия на сегодняшний день. Мы прекрасно слышим о том, что буквально за последний год в Санкт-Петербурге открылось более 20 новых предприятий. Мы это прочитали в новостях, и все. Надо рассказывать, что на предприятии радиоэлектроники появились новые рабочие места, посмотрите, какие они. Здесь нам нужны монтажники по пайке, монтажники по намотке катушек. Вот, что, наверно, должно быть.

Зачастую очень много рекламы, когда мы видим, что на предприятие требуются токари, сварщики. Мы звоним на предприятие и спрашиваем: «Можно мы на вашем баннере разместим образовательное учреждение, где их готовят?» Нам отвечают, что нужно подумать, нужно согласовать. То есть, с одной стороны, промышленности нужны кадры, но, с другой стороны, мы все не можем найти конкретные точки соприкосновения. А как сделать эти рабочие профессии популярными?

На сегодняшний день действует Федеральный проект «Профессионалитет», в послании Президента РФ было сказано о сокращении сроков обучения, сделать их максимально короткими и практико-ориентированными. На одном из докладов рассказывали про профессию «вальщик леса» и начали показывать современные машины харвестер, форвардер, и многие взрослые, в частности, родители очень восхищались. А эти машины уже 15 лет ездят. Вопрос в том, что современные родители детей, которым по 15 лет, ни разу не видели эти машины.

Машиностроение, станки ЧПУ, мы про них говорим более 10 лет. А родители, приходя в образовательное учреждение, заходя в лаборатории, восхищаются и удивляются, что у нас такие есть. Наверно, чтобы популяризация рабочих профессий шла активно, нам по государственному телевидению нужно больше показывать, что они будут не в тракторе ДТ-75 работать и с лампой паяльной ездить, а рассказывать про рабочую профессию.

Когда мы говорили о гуманитариях и технарях, если по СПО-мониторингу посмотреть, 44% – это технические направления, 56% – гуманитарные. Нужно подумать и сделать вывод, в какую сторону нам нужно поворачивать систему образования.

Для высшего образования четко разделены понятия «целевое обучение» и «целевой прием», в системе среднего профессионального образования, к сожалению, пока этого не появилось, и все-таки мы ждем, что и у нас закрепится это понятие. У меня на сегодня все, спасибо!

Олег Смолин: Спасибо большое. Если можно, три коротких комментария. Практически со всем согласен. Первое – действительно, статус педагога во многом – это ключ к статусу будущего инженера. К сожалению, по данным Высшей школы экономики 40% учителей в России вынуждены экономить на всем, кроме еды. По всем меркам это прямая бедность. Учитель никогда не был миллионером, но, закончив университет, за одну ставку я должен был получить два прожиточных минимума.

Сейчас мой выпускник магистр, приходя в школу в городе Омске, за 24 часа, то есть почти полторы ставки, получал чуть больше одного прожиточного минимума. Вот вам разница в подходах к делу.

Второе – я совершенно солидарен с тем, что надо во многом менять политику средств массовой информации. Поменьше рассказывать о том, кто с кем грешит и каким способом и немного побольше о том, кто создает в стране национальное богатство. Кстати, у нас был некоторый опыт в конце 80-х годов, когда продвинутые педагоги получали такие аудитории на телевидении, которые сейчас получает только какой-нибудь Малахов. Мы не можем без конца гнаться за рейтингом, особенно на государственных каналах. Мы должны гнаться за подготовкой специалистов и граждан.

Третье – мы неоднократно предлагали в наших законопроектах, чтобы у нас создавались специальные образовательные каналы, которые были бы наряду с каналом «Культура», которые бы продвигали идеи образования в разных областях. Не хочу говорить только

хорошо о прошлом, но в свое время по воскресеньям вся мыслящая Россия усаживалась у телевизора и смотрела программу Сергея Петровича Капицы «Очевидное – невероятное».

Теперь, когда мы спрашиваем молодых ребят, которые готовились только по тем предметам, которые собирались сдавать на ЕГЭ: «Вы согласны с тем, что Солнце – это спутник Земли?» Из них 35% согласны. А вы согласны с тем, что гены содержат только генно-модифицированные растения, а обычные растения генов не содержат? Да, 30% согласны. Я мог бы продолжить, но не будем дальше о грустном. Поэтому абсолютно правильные предложения, я их поддерживаю, спасибо.

Женщина 1: Можно вопрос?

Светлана Данилина: Да, давайте.

Женщина 1: Считаете ли вы целесообразным вернуться к прошлой системе заказа от отраслей экономики? Иначе, работая только с информационном полем, мы опять отдаем эту подготовку на невидимую руку рынка, а это опять а-ля то, о чем мы здесь говорим. Есть ли такой опыт в Санкт-Петербурге, когда заказы поступают от кого-то? Спасибо.

Илья Бердников: Спасибо за вопрос. Светлана Данилина не даст соврать. На самом деле не только в Санкт-Петербурге, но во всей Российской Федерации контрольные цифры приема формируются по потребности промышленности. У нас это «Комитет по труду и занятости» и «Комитет по промышленности», которые формируют заказы от работодателей, и тем самым наш учредительный орган исполнительной власти в сфере переобразования аккумулирует их, дает на субъект. Но здесь есть проблема. Как говорит промышленность, в основном кадры нужны здесь и сейчас, они просят кадры прямо сейчас. А система образования, насколько вы знаете, раз в год выпускает специалистов, мы не можем взять и в апреле 20 человек отдать.

Здесь нужно прорабатывать оптимальные механизмы. Я думаю, Федеральный проект «Профессионалитет» это поможет сделать, сформировать образовательные программы, найти ключевых работодателей и тем самым ускорить этот процесс.

На сегодняшний день есть договора о целевом обучении, есть Постановление Правительства РФ, подписанное Мишустиним, где есть примерный шаблон этого документа. Там есть обязательства по трудоустройству. К сожалению, практически не все работодатели хотят подписывать этот документ, беря на себя обязательство, что они должны в обязательном порядке трудоустроить выпускника. Хотя механизм с точки зрения государства есть. Спасибо.

Мужчина 1: Кто-нибудь смотрел современные учебники по математике? Обратили внимание, что совершенно ужасно они составлены, не говоря об ошибках. Или сразу даются очень сложные задачи, или какой-то маразм. А почему так происходит? Потому что у нас учебники коммерческие. Люди когда-то в советское время написали отличные учебники по математике, по физике, по химии. Сейчас учебники предпринимательские. Как обычно делают. Есть три человека. Первый пишет, хотя он, может, и не знает физику.

Второй связывается с министерством образования, чтобы его одобрили и пустили в массы для дебилизации населения. Учебники ужасные, но коммерция.

Должна быть не просто комиссия, состоящая из академиков. Они тоже нормальные люди, тоже хотят кушать. Они правильно оценят учебник, как надо, в зависимости от того, сколько им за это заплатят. В данном случае какая должна быть общественная комиссия по учебникам? На самом деле, мы убиваем детей. Дети в школах не смогут по этим учебникам учиться. Специально созданы такие учебники, чтобы они были сложные, и дети не сдали ЕГЭ. Дело не в ЕГЭ, дело в учебниках.

Дума думает насчет того, чтобы контролировать качество учебников?

Олег Смолин: Начну с того, что ГД думает по-разному. Понимаете, происходит страшная бюрократизация. До недавнего времени, как происходила экспертиза учебников, чтобы вы знали, коллеги.

Академия наук экспертировала учебники на предмет их научного содержания. Академия образования экспертировала учебники на предмет их научно-методического содержания. Проводилась общественная экспертиза с участием родителей и других общественных объединений. По истории проводилась еще и культурно-историческая экспертиза с участием «Российского исторического общества». Потом откройте учебник по истории и прочитайте там, что с сентября 1939 года по июнь 1941 года Советский Союз был фактическим невоюющим союзником Германии.

Я не говорю про то, что это оскорбление для наших отцов и дедов, я говорю, что это просто историческая ложь. Все прекрасно знают, что Сталин и Гитлер притворялись друзьями и готовились к войне друг против друга. Т.е. авторы этих учебников принимают видимость за сущность. У семи нянек дитя без глаза. Сейчас приняты другие решения. Теперь министерство берет на себя полную ответственность за выпуск учебников. Посмотрим, будет ли от этого лучше, потому что учебники во многом отражают уровень подготовки наших людей. Я уверен, что в подготовке учебников должны принимать участие не только академики, но и учителя. Я готов написать вузовский учебник как академик «Российской академии образования», за школьный, наверное, не возьмусь.

Почему? Потому что надо видеть ребенка каждый день и понимать уровень его понимания. Я только понимаю, что современные учебники по истории, географии – они переусложнены, они написаны слишком сложно, практически как вузовские. И это мешает усвоению ребятами материала. Если бы учебник был не хуже по содержанию, но написан более понятным языком, знания были бы гораздо лучше.

А так у нас 60% граждан думают, что царя свергли большевики. Поэтому, что можем, пытаемся делать, но это вопрос не только к парламенту, в общем к образовательному сообществу и, конечно, к политике министерства.

Мужчина 1: Кроме физики и математики что нужно еще? Черчение, начертательная геометрия, правильно?

Илья Бердников: Я себя помню в девятом классе, где мы точили, были станки. На сегодняшний день труды у ребенка – это бумага и клей.

Олег Смолин: И даже столярка, и слесарка.

Илья Бердников: К сожалению, они со школы приходят в образовательное учреждение что среднего профессионального образования, что высшего неготовыми к выполнению тех задач, которые стоят перед ними.

Мужчина 1: С чем связано ваше ожидание хорошего человека, приходящего к вам? Если ему интересно, например, торговля кофе.

Илья Бердников: Ради Бога, кто мешает, пусть идет торгует кофе.

Дмитрий Драйлинг: Я хочу одновременно дать оценку и задать вопрос. Меня зовут Дмитрий Драйлинг, я представитель биржи фондового рынка, управляющий крупным частным капиталом. Сейчас информация, как никогда, доступна от мала до велика. Ребенок учится в школе и уже мониторит рынок, сколько он будет зарабатывать, если выучится на эту профессию. Он сам это делает, где-то родители подсказывают. Тиктокер полтора миллиона зарабатывает, а я буду на 50 тысячах рублей. А когда из института выпускаюсь, мне квартира недоступна от этой промышленности, от производства, от всего этого. Потому что ипотека 65 тысяч рублей, а зарплата у меня будет 50 тысяч. Корпоративного университета нет у этого предприятия по производству промышленному. Мы перекладываем ответственность на систему образования.

Система образования та, про которую вы сказали. Что имеем, то имеем. В итоге, что ребенок выбирает? Вы когда собираетесь брать на себя ответственность за детей?

Вы хотите промышленность и производство поднимать, сделайте корпоративный университет при этом предприятии. Обучайте тому, чему не доучили. Обеспечьте жильем так, чтобы у него голова не седела в свои 17-18 лет. Они все в такси на подработках. Когда вы будете вот этими вопросами заниматься?

Илья Бердников: Конечно, это вопрос не моего уровня. Но вы говорите о том, что система образования государственная должна обеспечить жильем? Это вопрос не к образованию. На сегодняшний день образование – это элемент для промышленности. Это промышленность должна приходить в образовательное учреждение и совместно это развивать. Мы на сегодняшний день иногда председателя на комиссии ищем по две недели, никто не приходит. Есть у нас ключевые партнеры, которые всегда и везде. То есть само по себе образование эти вопросы решить не сможет. У нас нет этого функционала.

Светлана Данилина: Илья, извините. Можно я дополню. Сейчас я приглашу спикера, который раскроет эту тему, у него прекрасный опыт в этом направлении. Само по себе образование инициировать создание корпоративных университетов, к сожалению, не может. По одной простой причине, это несколько ограничено действующим законодательством в этой области. Но промышленность идет на контакт – поверьте мне, я

представитель промышленного предприятия – с колледжами, университетами. Мы работаем в этом направлении, но есть моменты, которые, к сожалению, нас ограничивают.

Сейчас я хотела бы пригласить сюда Владимира Боглаева. Это генеральный директор ОАО «Череповецкого литейно-механического завода». У Владимира есть презентация. Владимир, ваш опыт бесценен сегодня.

Владимир Боглаев: Спасибо. Честно, у меня пропало желание делать доклад в том виде, как я его планировал, просто потому, что явно не туда пошло. У нас название сессии «Образование для промышленности». У нас прошло 45 минут, и мы не приступили к началу обсуждения темы. Как так можно?

Кто должен давать квартиры рабочим? Промышленники, образование. Я скажу так, почему вы считаете, что в здравом уме и трезвой памяти родители посоветуют своему ребенку учиться на какую-то профессию на заводе? Даже если по телевизору с утра до вечера будут говорить, что токарь – это самая лучшая профессия, это лучше, чем блогер и танцевать голым на сцене. Никто вам не поверит, потому что платят меньше, и квартиру не получите. И это знают и родители, и дети, которые будут танцевать голыми на сцене за большие деньги.

Дальше возникает вопрос. В советское время для того, чтобы люди поехали работать в Норильск, они получали повышающие коэффициенты. В здравом уме и трезвой памяти по московской зарплате никто в Норильск не поехал бы никогда. Почему вы считаете, что в рабочем городе может остаться человек, если бюджетное обеспечения жителя Москвы кратно превышает бюджетное обеспечение жителя любого другого города, тем более провинциального. Вы какие угодно блины рисуйте ему по окончании полдника, в Москве будет лучше.

Это первое. Собянин похвастался, что за 15 лет 20 млн человек перетянули в Москву, из которой ушла вся промышленность. Объясните, а вы из каких предприятий 20 млн перетянули? Приехали пенсионеры или те, кто умеет что-то делать? Это же очевидные вещи. Вы говорите, что у нас все по-другому, у нас все изменилось. Это не так.

Почему маленькая зарплата у инженеров и рабочих? Если за 30 лет более 80% предприятий уже умерло. Они же не за один день умерли. Они банкротились, люди переходили на минимальные зарплаты, не получали зарплаты вообще, работали за копейки, потому что некуда было деваться. А на них показывали и говорили, что это неудачники, они не вписались в рынок. А те, кто вписался, те в Москве.

Мы 30 лет об этом рассказываем, а заводы продолжают закрываться. Вы что думаете, что заводов стало больше за последний год? Их стало меньше. Так почему вы считаете, что престиж профессии инженера будет расти, если заводов становится все меньше и меньше, а людей в Москве, где ничего не производится – хотя по ВВП – это 25% всей страны – все больше и больше.

Вы действительно считаете, что Министерство образования и Министерство промышленности должны квартиры сейчас строить?

Вот 23 декабря 2011 года не могу не порадовать себя правильными словами президента страны: «Мы ставим перед собой масштабные задачи, которые связаны с модернизацией промышленности и не только промышленности, а, по сути, всех сторон нашей жизни. Говорим о глубокой модернизации, о кардинальном улучшении делового климата. Но мы с вами понимаем, что решить эти проблемы невозможно без людей так называемого участка капитала. И на мой взгляд, что нужно было сделать в переотчетном порядке, следует ускорить разработку и внедрение профессиональных стандартов, выработку важнейших ориентиров для учебных заведений, которые бы ответили на вопрос, каких специалистов, с какими знаниями и навыками эти учебные заведения должны готовить. Принципиально важно, чтобы в разработке профстандартов принимали участие и работодатели, и бизнес, и профсоюзы. Нужно думать об эффективных механизмах участия бизнеса в разработке образовательных программ. Подчеркну, государство окажет необходимую организационную и финансовую поддержку».

Что неправильно? Все правильно. Начнем с того, что государство не оказало никакой организационной и финансовой поддержки, поэтому все это посыпалось. На тот момент, я помню, как с воодушевлением начинали внедряться на заводах, в училищах те или иные программы практикоориентированного образования. Меня даже на прием в Министерство образования не приняли.

Поговорим о том, почему промышленность никогда не будет заказывать за деньги кадры у образования. Срок жизни продукта очень быстро ускоряется. Если раньше телега могла служить 100-200 лет, то теперь iPhone меняются каждый год. Это новые технологии, новые знания, чему и как учить. Тот, кто научился делать iPhone, пока он научит своего ученика, как это делать, он уже устарел вместе с учеником. Учить тому, что устареет, уже поздно. Вы не получаете улучшения качества, с одной стороны. С другой стороны, это еще одна проблема. Условно говоря, мне надо купить станок. У меня есть техпроцесс под какой-то продукт. Сегодня на нашем заводе я никогда не покупаю один станок под один продукт. Я ставлю на три продукта. Как в казино, у тебя в три раза больше шансов попасть в нужный результат. Но я хотя бы знаю, что через полтора года я получу станок заявленного качества. А теперь мне говорят: «Тебе надо? Плати». Во-первых, я не знаю, что мне надо через пять лет, какие специалисты.

Я реально не знаю, что будет, потому что за последние 10 лет завод полностью три раза поменял номенклатуру и составление производства. Я не могу предсказать. Кто считает, что в машиностроении, где все или низкорентабельно, или убыточно, есть возможность инвестирования с пятилетним горизонтом планирования? Сегодня станок купить не можем, потому что не дают кредиты. А вы хотите, чтобы предприятие из оборота вложило в пятилетний-семилетний проект покупки кадра с неизвестным качеством.

Если ко мне приходит человек с высшим образованием, энергетик, который не может мне написать закон Ома. А если бы я за него заплатил? Ко мне приходит человек с красным дипломом, который пишет город Пенза через «м». А если бы я за него заплатил? Страшно же. Я спрашиваю, чем отличается чугун от стали. Мне говорят в чугуне углерода меньше, а в стали больше. Я спрашиваю, где граница, разница. Она мне отвечает, что в стали углерода больше 60%. А если бы я за нее заплатил?

Кто и что должен? Я обозначу два момента. Первый момент. Я считаю, что все в целевых установках. Если у нас продолжают закрываться заводы, неважно какие лозунги мы слышим с телевизора, надо оценивать по делам. У нас происходит полнейшая технологическая деградация. Если у нас в этом году, когда открылось окошко возможности по импортозамещению на сумму 70 млрд долларов, объем кредитования увеличился на 14% при инфляции в 20%. Значит, реально мы выбили из оборота промышленного примерно 30%. Значит, мы на 30% снизили объем производства реальной продукции. Значит, людей надо меньше. А для чего мы тогда будем людей готовить?

Эту цель и задачи по индустриализации страны должно строить государство и под это разрабатывать программы. Вот Кировский завод Серебряков поднял из ничего. Сейчас его забивают. Почему? Потому что полностью открыли рынок с Китаем. А у него много набрано кредитов на модернизацию, на фирменные станки ЧПУ. Как ему отбивать кредиты, если сегодня на китайский трактор пошлина 5%? Массовое производство Китая 300 тысяч тракторов в год, а у него меньше десятка. Как ему конкурировать? И таких примеров можно приводить сотни.

Я так скажу, не надо рассчитывать на то, что промышленник будет заказывать у образования кадры просто потому, что это экономически нецелесообразно. Заказывают ключевые заказчики: металлурги, нефтехимики. Мы знаем, что и через 10 лет страна будет гнать нашу природную ренту то ли на Запад, то ли на Восток. Что мы будем делать в машиностроении не знает никто, никаких программ нет.

Есть промышленная ипотека, может, тогда бы внесли ипотеку под кадровые заказы, если хотите переложить на промышленность долгосрочное инвестирование по созданию кадров.

Я для себя пришел к выводу, что надеяться на то, что кто-то когда-то наверху нас поддержит – бесполезно. Наша проблема, значит, самим выживать. Какие еще красивые станки ЧПУ, когда массовое производство в стране уничтожено.

Чтобы вы поставили красивые станки ЧПУ, у нас в России должно появиться массовое производство. А его нет, потому что мы передали его в Китай. У нас нет массового производства, под которое можно покупать линии с ЧПУ. Мы работаем только на рынках, где мелкосерийное производство – это ремонтные гаражи, по большому счету, у них постоянно меняется номенклатура.

Город Череповец – это рабочий город. Я много где в России работал, но там остался потому, что там хочется, не хочется, а приходится работать. В городе нет безработицы. Мы там давно договорились, что власть, образование и бизнес создадут определенный вариант дуального практикоориентированного образования. Кто-то знает, что производит Череповецкий литейно-механический завод? Я удивился, что никто не знает, чем мы занимаемся. Почему? Потому что через год мы будем заниматься другим, а через два года снова другим. То есть пришли люди на завод, здесь нет ни собственников, ни хозяев. Мы сами себе начали создавать рабочие места, находить продукт, выходить на рынок. Мы не пришли наниматься к кому-то, мы начали организовываться для того, чтобы самим создавать продукт, который будет нас кормить. Мы это научились делать. Когда я пришел на завод, мы делали в год 28 млн рублей. В прошлом году мы сделали 5 млрд. Нам кто-нибудь помог в этом? Нет.

Мы решили, что, если мы научились сами себе создавать рабочие места, так, может, если мы будем ребят через себя пропускать и независимо от того, как будет складываться ситуация в стране, они у нас научатся не профессии токаря или сварщика, они научатся создавать сами себе рабочие места, причем не в одиночку, а коллективно. Потому что они научатся работать в коллективе по созданию себе рабочих мест. Вот такая у нас логика.

Была мысль, учитывая особенности города, сделать какую-то индустрию образования. На тот момент к этой теме положительно отнеслась Академия наук РФ и область, и город. Но потом Минобрнауки сказало: «Извините, у нас главная цель – участие в международной олимпиаде по кладке каминов. И это никак не вписывается в то, что мы хотели от вас получить». На тот момент на заводе работало 400 человек.

Мы через год через себя пропустили 600 студентов. Мы ребят из ПТУ за полтора года выучивали на специалистов по объемному моделированию и конструированию, которые рисовали лучше, чем те, кто приходил к нам с дипломами, потому что они сразу попадали в рабочую атмосферу.

Если бы в стране реально была поставлена задача по достижению этих целей, ее бы достигали. Значит, такой задачи никто не поставил. Для меня вопрос в другом: кто и какую задачу поставил, если мы по-прежнему идем не в том направлении? Спасибо.

Светлана Данилина: Коллеги, Владимир поделился опытом. Он ответил на ваши вопросы? Как отбиваться от эффективных менеджеров – это не наша тема сегодня. Я приглашаю сюда Василия Колташева, директора «Института нового общества».

Василий Колташев: Уважаемые коллеги, здравствуйте. Я долго думал, о чем говорить на этой площадке, на мой взгляд, самой главной на сегодня на «Московском экономическом форуме», потому что от того, какие решения будут найдены для ситуации с образованием, зависит экономическое будущее России. Некоторые направления нашего экономического развития они определились стихийно, непланово, в независимости от «Стратегии 2020». Можно сказать, это ненаучная фантастика.

Все оказывается по различным причинам совершенно иначе. Я буду говорить примерно о том, а чем говорил Боглаев Владимир Николаевич, но с других сторон. Когда дискуссия началась, создавалось такое впечатление, что у нас есть две проблемы: правильный механизм изменений, который нужно применить, и все пойдет. И люди, которые почему-то ведут себя не совсем правильно и мешают правильным механизмам, и не следуют им. Здесь я хотел бы рассказать о том, как я вижу эти проблемы. Проблемы, касающиеся нашей экономики и нашего образования.

На мой взгляд, все не сводится к тому, чтобы подготовить миллион рабочих специалистов за один год. Проблема гораздо сложнее. Она наводит нас на вопрос проблемы конструкции общества и системы образования. Если говорить о конструкции общества, то мы в последние два десятилетия пережили бум фирмообразования. Создавалось огромное количество коммерческих организаций, в которых молодые люди видели для себя карьерные перспективы. Многие из них сделали карьеру в этих фирмах, стали директорами по продажам, что-то заработали, их дети ходят в школу. Но эпоха прошла. Больше не будет такого фирмообразования и в сфере услуг, и в финансовой сфере. Эти сегменты экономики будут функционировать, по всей видимости, гораздо менее интенсивно, в то время как стоит вопрос о развитии промышленности российского общества потребления, но в несколько ином формате.

У нас, по сути, закончилась сейчас экономическая эпоха, которую можно было бы охарактеризовать как эпоху неолиберализма, глобализации Вашингтонского консенсуса. Она просто взяла и сошла со сцены. Именно поэтому власти говорят, что необходимо готовить людей с рабочими специальностями, инженеров. На уровне риторики это звучит. Не так, как в 2011 году, потому что в 2011 году – это был совершенно несерьезный разговор. Было понятно, что ничего меняться, в принципе, не будет. Система выстроилась, и ее нужно просто украсить некоторой риторикой. И все останется так, как есть. Сейчас понятно, что так, как есть не останется просто потому, что есть международный конфликт, соперничество различных центров экономического развития, центров капитализма, Россия блокируется с Китаем. Не всегда это положительно влияет на нашу ситуацию.

Но мы находимся в эпохе, которая предполагает изменения, т.е. изменения эти будут происходить. Они будут происходить по всей видимости болезненно и неожиданно. Приверженцами этих изменений могут оказываться люди, которых просто прежде было невозможно заподозрить, что они способны на какие-то добрые дела. Вот какая проблема возникает, если говорить о структурах. Дело в том, что наша система образования – это не просто какая-то система, которую покартели с помощью «Болонской системы», «Болонской реформы», и нужно немного отодвинуться назад, и все будет замечательно. Это не совсем так.

Первая проблема – это проблема бюрократизма. Но она не является проблемой возрастания административных штатов в учебных заведениях, в вузах прежде всего или

общего бюрократизма, практик перегруженности образовательного состава. Не только в этом дело.

Господин Боглаев сказал об этом, что люди могут делать карьеру на предприятии. Это то, что для общества является большой новостью, что оказывается, что вы можете просто прийти на промышленное предприятие и добиться успеха в горизонтальной или вертикальной карьере, которое заменит вам высшее образование, в то время как формальное высшее образование вам ничего не даст. У вас формально есть диплом о высшем образовании, но на деле вы ничего не знаете о том, что такое металлургия. И таких дипломов у нас очень много. В какой-то рекламной фирме может быть этого диплома достаточно.

Мы подошли к ситуации, когда значение дипломов в значительной мере обесценилось. Дипломы потеряли то очарование, которое они имели прежде. Это на самом деле не такой плохой результат для современного общества, и не так это плохо, потому что человек, его личные способности и качества должны стоять выше, чем диплом. Диплом – это всего лишь государственная бумага.

Проблема преподавательского состава тоже очень серьезная, потому что эти люди, которые, получив диплом металлурга, не знают, чем сталь отличается от чугуна, они возникли не сами по себе. Они ведь учились, они сдавали экзамены, они выполняли лабораторные работы. Они были очень плотно загружены, они расходовали свое время. Это совершенно неслучайный механизм расходования времени. Либеральные реформы образования в России были во многом направлены на то, чтобы заставить людей правильно с точки зрения системы расходовать время, свою личную энергию. Получать такое образование, которое на самом деле формальное. Что мы можем сделать в этой ситуации. Первое – отменить неолиберальную реформу высшего образования и в системе среднего образования, т.е. откатиться к советской системе. Но это не избавит нас от проблем, потому что механически вернуться к качественному специалитету не получится.

Если смотреть на бюрократические аппараты вузов, то они выросли в три раза. Бюрократические аппараты должны быть упразднены, должно произойти изменение и положения преподавателя одновременно, т.е. внешнюю министерскую бюрократическую нагрузку нужно убрать. Министерство не должно быть механизмом деконструкции – это называется у нас оптимизация – должно быть механизмом обратного преобразования. Я сказал о причинах, почему эти изменения могут происходить, и о механизмах.

По положению преподавателю. У нас кажется, что можно просто повысить зарплату преподавателям, вся проблема сразу исчезнет. Я слышал неоднократно такое мнение. Я хочу привести цитату из переписки Энгельса с его коллегами социал-демократами, где он говорит: «Чем отличается немецкий профессор от французского? Почему в Германии профессор – это уважаемый человек, а во Франции – это неуважаемый человек, мнение которого никого не интересует?», описывается время эпохи Наполеона III до реформы французского образования и науки при третьей республике. Энгельс отвечает на этот

вопрос. Он говорит: «Причина состоит в том, что французский профессор всего-навсего чиновник на службе у французского правительства. Его мнение мелкобуржуазное французское общество...», у нас тоже сейчас по образу мысли очень мелкобуржуазное сейчас общество, это одна из серьезных проблем привлечения кадров для промышленности, что люди сразу спрашивают – где я буду обедать? Как я буду жить? Как я буду платить ипотеку? Их мотивы не состоят в том, что я буду созидать промышленность, их мотивы – каково мне будет? Насколько сильно я соприкоснусь с обществом потребления? Мне туда.

Отличие прусского, немецкого профессора в том, что он является в значительной мере представителем свободной профессии, не находится на работе у правительства, поэтому его мнение интересует публику, общество. По мнению Энгельса – это более качественная система образования, мы должны изменить статус преподавательских кадров. Я специально не использую систему профессорско-преподавательских, безумную эту формулу, амальгаму, потому что нужно упразднить большое количество рангов. Необходимо деbüroкратизировать конструкцию. Необходимо сделать так, как это в промышленности: когда человек себя как-то проявил, он назначается на должность, от него не требуют большого количества дипломов, потому что в конечном счете это все не так важно, как важен сам человек. Это изменение конструкции.

Сейчас мы имеем, если говорить о той системе, которую необходимо контрреформировать, мы вступаем в период контрреформ, мы имеем ситуацию, это касается и преподавательских кадров, и работников, которых сейчас приглашают в промышленность, об этом многие говорили, которую можно описать стихотворением японского мастера меча Миямото Мусаси, когда он сказал: «Крестьянин, помни, твой меч – мотыга». Вы заперты в определенной нише, ни горизонтальное, ни вертикальное движение для вас невозможно. На мой взгляд, нужно сделать так, чтобы эти преграды были убраны, значение формальных рангов было уменьшено. Нужна деbüroкратизация системы, процессов при одновременном возврате к качеству образования, к качеству – имеется в виду специалитет как механизм. Спасибо.

Мужчина 2: Можно вопрос? Чем занимается ваш институт, где можно посмотреть результаты вашей работы?

Василий Колташев: На сайте neosoc.su можете посмотреть некоторые публичные доклады, институт занимается исследованиями макросоциологическими и политэкономическими, он исследует общество глубоко и очень серьезно.

Мужчина 2: Можно комментарий?

Светлана Данилина: Нет, сейчас тогда спикер, а в конце комментариев. Коллеги, мы ограничены с вами по времени. Если бы все меньше перебивали, мы бы быстрее с вами двинулись. Я бы хотела сюда пригласить Владимира Лепехина, генеральный директор Института изучения проблем развития Евразийского экономического союза. Владимир?

Владимира нет. Тогда еще один спикер, и будем дискутировать. Я хотела бы пригласить Ангелину Потеряйко, заместитель директора Научной школы стратегического планирования.

Ангелина Потеряйко: Спасибо. Здравствуйте, уважаемые коллеги, с некоторыми я знакома, приятно видеть знакомые лица в зале. Я буду говорить о школьном образовании, параллельно унесу вас от конкретных задач, от гаек и болтов в более высшие смыслы, если вы позволите.

Начну я с высшего образования. У нас сейчас очень модно говорить о новых технологических укладах. Эти новые технологические уклады – им подтверждена наука и образование в России. Уклады эти диктуются по факту крупными финансовыми и IT корпорациями. Давайте почитаем новости высшего образования, несколько цитат: в университетах России с 2023 года появится пять новых специальностей в области машиностроения. «Цифровые и аддитивные технологии в машиностроении», «Интеллектуальная трибология в машиностроении» и «Лазерные технологии». В Уральском федеральном университете появятся новые программы магистратуры в области искусственного интеллекта. До 2024 года будут открыты четыре новые программы: «Инженерия искусственного интеллекта», Practical Artificial Intelligence, «Искусственный интеллект в электроэнергетике» и «Интеллектуальные городские энергетические системы».

Что мы видим? Благодаря государственной программе стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» сейчас у нас выстраивается такая цепочка: крупные IT-корпорации очень активно участвуют в запросе на специалистов. Они напрямую диктуют вузам, какие специалисты им нужны. Мы таким образом перенимаем западный прогрессивный опыт, в частности – инновационной модели, тройной, четырехзвенной, пятизвенной и винтовой спирали. Какие корпорации входят в тесную связь с университетами? В первую очередь – это российские банки. За ними идут крупные промышленные отечественные и иностранные предприятия типа «Алмаз-Антей», «Газпромнефть» и так далее.

Эти предприятия могут себе позволить создавать в вузах свои кафедры. Казалось бы, такое положение вещей – оно выгодно, с одной стороны, компании сразу получают нужных им специалистов, с другой стороны, родители, сами студенты прекрасно, уверенно себя чувствуют, они получают работу. Но есть одна маленькая, а на самом деле очень большая проблема: не учитываются другие очень важные потребности общества. В качестве доказательства можно привести список наименее востребованных специальностей в 2022 году. Ими стали: оружие и система вооружений, теология, нанотехнологии, наноматериалы, как ни странно, физико-технические науки, в частности не готовят учителей физики и математики в педагогическом вузе, не идут туда абитуриенты, не хотят становиться учителями. Сестринское дело – тоже не особо бегут бывшие школьники. И, как ни странно, ядерная энергетика и технологии – щит и меч нашего государства.

Теперь о школьном образовании. Школьное образование является первой ступенью к высшему профессиональному образованию. Но на фоне вышеописанного очень сложно ожидать от школьного образования творческих решений и даже гуманных подходов. Сегодня средняя и старшая школа занимаются тем, что натаскивают детей на ЕГЭ или делают вид, что натаскивают. Это неизбежно приводит к тому, что уровень знаний падает. Со мной на некоторых площадках коллеги пытаются спорить, говорят – что вы, у нас прекрасное образование. Хорошо, цифры. Первое – сразу в нескольких ведущих московских вузах – МГУ, ВШЭ, МГТУ им. Баумана по итогам приемной кампании 2022 года на значительное количество направлений снизились проходные баллы для поступления на бюджет. В МГУ проходной балл упал по 33 направлениям подготовки. Второе доказательство: исследование PISA показывает постепенное падение уровня российских школьников по всем видам грамотности в период с 2000 по 2018 год. Если в 2000-м наша страна занимала какие-то 20-е места, то в 2018-м это уже 30-е места в мире. Третье доказательство: в 2020 году Рособнадзор заявил, что каждый третий российский школьник не владеет даже базовыми знаниями по тем или иным предметам учебной программы. И слабыми в России можно назвать около 30% школ.

С потребностями большого бизнеса в образовании и последствиями этих потребностей мы разобрались. Но субъектом образования является в первую очередь народ, а народ ориентируется не на те ценности, на которые ориентируется бизнес, ориентируется на идеалы и смыслы. И у нас эти идеалы и смыслы закреплены на государственном уровне. Например, в указе президента о стратегии национальной безопасности, в указе президента об утверждении основ госполитики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Ценности наши защищает суверенитет государства, а суверенитет – это в первую очередь такой способ ведения хозяйства, который способен обеспечить независимое от иностранных технологий, товаров и ресурсов, развитие страны и достаток ее граждан, что явно противоречит идеологии транснациональных корпораций.

Как разрешить конфликт капитала и народа в пользу людей в текущих условиях? Сверху, с экономики у нас это не получается делать. У нас такое предложение: давайте начинать через систему образования. Сегодня уже с помощью школ создавать людей завтрашнего дня. Национальный проект «Образование», который был принят в 2018 году, не годится для этих целей. У него есть второй пункт, который звучит очень красиво: воспитание гармонично-развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических, национально-культурных традиций. Эту цель в проекте предлагается реализовывать через вовлечение детей в дополнительное образование, а оно, как вы знаете, у нас во всех регионах очень даже платное.

Есть самое крупное независимое общественное движение в России, порядка 20 000 человек, общественное движение «Родители Москвы», оно получило наказ от большого родительского сообщества на создание необходимой в нашей стране концепции

школьного образования. Получило и выполнило оно этот наказ с помощью ученых, педагогов и философов. Цель концепции очень высокая и сложная. Сейчас я вам ее озвучу. Она такая высокая и сложная, потому что наш мир высокий и сложный: сформировать человека-творца с высокими духовно-нравственными качествами для построения справедливого общества в интересах людей, способного реализовывать задачи, достижения и сохранения экономического и духовно-нравственного суверенитета государства.

Это так сложно звучит, но концепция является тем лекарством, которое способно залечить наши 30-летние раны. Я знаю, что коллеги из фракции КПРФ в своем законопроекте «Народное образование» предлагают очень практические, нацеленные на быстрое исправление ситуации шаги, мы их всецело в этом поддерживаем. Но свою концепцию мы начинаем с философской идеи, с определения понятия человека и человечности. В противовес антигуманизму, трансгуманизму, которые были порождены капитализмом.

Я бы очень хотела рассказать о сути концепции, в которую заложены интересные методики, в том числе тут Валерий Берчун присутствует, и методика здоровье-сбережения Базарного, но...

Светлана Данилина: Я думаю, вы можете сказать, где с этим можно ознакомиться.

Ангелина Потеряйко: Да, я скажу. Мы эту концепцию в ближайшее время, ее сокращенный вариант выложим на сайте общественного движения «Родители Москвы», на базе Московского общества испытателей природы в мае будет организовано первое публичное обсуждение. Я закончу. Я всю свою научную биографию занимаюсь стратегическим планированием. Я знаю достаточно большое количество моделей, которые позволяют строить национальные планы. Когда я столкнулась с проблемами образования, проанализировала ситуации, изучила различные подходы, я поняла, что никакой план, никакая доктрина, никакой алгоритм не смогут работать, если мы не придадим ей человеческий смысл. Я считаю, что доктрины, концепции подобные нашей, они должны быть все собраны, по ним организованы общественные и парламентские слушания для того, чтобы у нас Министерство просвещения в том числе знало, что в России существуют не только западные методики, которые они копируют, плохо переводя на русский язык, но и наши российские разработки, которые основываются на многолетнем и удачном образовательном опыте. Спасибо большое.

Олег Смолин: Раз мы заговорили про школу, еще несколько слов на эту тему. Валерий Валентинович Берчун, который представляет нам наследие профессора Базарного, которому если бы мы следовали, наши дети были бы точно намного здоровее. По возможности – короче.

Владимир Берчун: Спасибо, друзья. Олег Николаевич, мы 25 лет в боевом строю идем с вами в этом направлении, даже В.В. Путина сподвигнули на то, чтобы в Национальной стратегии «Образование» было написано, что внедрение здоровьесберегающих

технологий обучения в общеобразовательные учреждения страны должны быть завершены к 2017 году. Сейчас 2023-й – ничего не сделано. Все на энтузиазме тысяч учителей, родителей и директоров школ, только на этом все зиждется. Чтобы долго не занимать ваше время, я заготовил доклад, но все на сайте Центра здорового образования имени Василия Филипповича Базарова. Сотни материалов на эту тематику. Я думаю, все родители, все дедушки, бабушки – вам это будет крайне познавательно, потому что это, как правило, ускользает от общественности.

Когда мы вступаем в дискуссию об образовании, мы всегда замыкаемся на содержании, а содержание – это, если представить здание, это стены, это украшения внутри, снаружи и так далее. Базис образования – это та среда, в которой обитает ребенок, те физиолого-эргономические режимы, в которых он работает, что в результате выпускает школа. Я не буду перечислять, у нас там большая подборка. Все великие, талантливые, известные наши люди, начиная с президента, кончая Аполихиным, которого я приведу в результате, Олег Иванович Аполихин – это главный репродуктолог страны. Его выражение уже становится мемом, в 2018 году он дал интервью и говорит: «У нас больное мужское семя встречается с больной яйцеклеткой, в результате мы получаем больного ребенка, которого отправляем в перинатальный центр». То, что поступает в школу. Все остальное, друзья мои, найдете. Цифры неприглядные, но есть одно «но»: совершенно другая система, которая разрабатывалась медицинским управлением в Красноярске еще в советское время. Там семь лет потребовалось от уровня разработки до принятия на государственном уровне, правда, в конце уже, перед перестройкой, но это вошло в государственные документы, начало воплощаться в жизнь.

А у нас до 2012 года, когда была принята национальная стратегия, сколько времени прошло с 1991 года? А потом еще прошло, шестой год идет. Только на энтузиазме. Я хочу внести предложение, чтобы это вошло в итоговый документ нашего форума. Надо выделить раздел: перевод системы образования на здоровье-развивающую основу, ключевое звено в решении проблемы народосбережения. Физиолого-эргономическая основа современного образования не учитывает законы развития ребенка, направлена против его природы. Система образования во всем мире как социальный институт воспроизводства творческого, физического, психического потенциала народов является главным фактором деградации этих потенциалов, в том числе – способностей на уровне всей человеческой популяции. От поколения к поколению, через детский сад и школу, воспроизводятся молодые люди, которые после себя оставляют все менее и менее жизнеспособное потомство, ибо от худого семени не жди доброго племени. Это характеризует все страны, особенно характерно для развитых государств, где действующая система образования господствует порядка 200 лет.

Перевод системы образования на здоровье-развивающую основу – краеугольный камень в деле создания новой российской школы, которая станет примером для всего человечества, от школы вхождения к школе возрождения.

Это достигается переосмыслением роли общего образования в демографической политике, созданием принципиально нового механизма социального управления воспроизводством народа, предложенным профессором В.Ф. Базаровым. Суть – сберечь народ через формирование государственной политики, первичной профилактики различных патологий, приобретаемых в учебном процессе, из которых, как правило, произрастает эпидемия сверхсмертности народа. Народосбережение – это здравоохранение через образование. Это достигается в первую очередь распространением научно обоснованных, адекватных природе ребенка физиолого-эргономических здоровьесоздающих технологий обучения на все образовательные учреждения страны. Как показывает многолетний опыт, применение при научном сопровождении в образовательных процессах данных технологий повышает только на первом этапе жизненные силы детей (в том числе иммунитет) минимум в три раза, а также уменьшает заболеваемость школьными формами патологий. Сохранение и укрепление здоровья детей на стадии своей жизни должно стать базой для обеспечения устойчивого здорового развития новых поколений, в итоге – здоровья всего населения России. Спасибо за внимание.

Светлана Данилина: Я думаю, что вы также на сайтах найдете, где можно ознакомиться, это обязательно войдет в протокол нашего форума. Благодарю Валерия. Коллеги, у нас осталось 10 минут. У меня просьба: мы не эмоционируем, мы предлагаем что-то для решения, а не говорим в очередной раз – там плохо, тут плохо, кто кому что должен и так далее. Мы все с вами должны нашим детям, начнем с этого и на этом закончим. Только конструктивные предложения.

Мужчина 3: Я совершенно согласен с Владимиром Николаевичем Боглаевым, потому что я в свое время закончил физтех. Сначала немного о состоянии, что происходит сейчас в мире. Идет технологическая революция, информационная. Образование, которое у нас сейчас, и подходы – они совершенно неправильные.

Светлана Данилина: Что предлагаете?!

Мужчина 3: Я сейчас скажу. Смысл в чем образования физтех? Первые два-три года мы учим просто академически. С третьего, четвертого, пятого, шестого года мы в институтах занимаемся наукой. После этого некоторые даже защищают диссертации кандидатские. В принципе ситуация такова: у нас люди, которые занимаются наукой, одновременно и преподаватели физтеха. Просто сейчас быть обыкновенным преподавателем, который получил знания три года назад, это уже старик. Идет так быстро развитие технологий, даже взять искусственный интеллект.

Светлана Данилина: Пожалуйста, что вы предлагаете?

Мужчина 3: Надо объединять образовательные учреждения и производственные. На том же заводе... Уже, может, не надо лапти делать, уже народ на самолетах летает. Это первое

предложение. Надо обязательно сделать такие конгломераты. Не нужны интегралы Римана никому!

Теперь я хочу сказать – у нас когда-то было в России такое движение «Добро». Движение образования будущей России – «Добро». Сейчас его уничтожили. Я был директором одного института... Первое предложение я сказал. Я хочу сказать, что в принципе мы тогда еще заседали в Московской городской думе, у нас было такое движение... Сказали, что к каждой школе прикреплен наркодилер. Я имею в виду...

Светлана Данилина: Коллеги, это не тема сегодняшней встречи. Коллеги начинают расходиться, вы просто занимаете время.

Мужчина 3: Огромное количество на наркоте!

Светлана Данилина: Вы не туда пошли. Ваше предложение – объединять. Я услышала, согласна. Второе?

Мужчина 3: Создание Ломоносовского движения молодежи. У нас должен быть...

Светлана Данилина: Спасибо, вас все услышали. Дайте возможность другим.

Женщина 2: Добрый день, коллеги. У меня очень короткое предложение. Олег Николаевич, возвращаюсь к нашему давнишнему разговору, что необходимо вводить профессиональные экзамены для педагогов и врачей. Потому что для того, чтобы лечить людей, нужно иметь специфическую любовь к тому, чтобы мы могли это передать детям. Предлагаю профессиональные экзамены как в художественных школах, так и у нас.

Светлана Данилина: Абсолютно согласна, потрясающее предложение.

Мужчина 4: Первое: убрать из системы образования, привлечь к суду всех бывших министров. Это кадры. Второе: рожать детей! Некого будет завтра учить и некому. Если вы сегодня родите 10-12 детей, через 30 лет они придут на наши места, мы умрем к этому времени. Живите 100 лет. Третье: национализировать банки. Они не наши, в России нет государственных денег. Считайте свои деньги, вы найдете билет на балет, но не государственный казначейский билет. Четвертое – средства массового оболванивания в чьих руках? Вот в чьих. Что у вас в руках? Что у меня в руках, кто скажет? Пять баллов поставлю. Я преподаватель Государственного университета просвещения. Что у меня в руках? Быстро, кто? Двойка всем. У меня в руках идеологический снаряд с урановым наконечником. Почему мы читаем на английском языке, на языке врага, который убивает наших детей и внуков сегодня? Мы промолчали. И последнее... я бывал там не раз, на русском ничего нет. Кто мы и с кем работать – вот в этой книге. Запоминайте, «Ищу человека», я автор, доктор политических наук, профессор и академик.

Светлана Данилина: Спасибо. Вы хотели?

Андрей Селезнев: Добрый день. Российский ученый социалистической ориентации – Селезнев Андрей Геннадьевич. Во-первых, если есть возможность передать

организаторам, у нас форум промышленный. Я в программе не увидел даже слова «индустрия 4.0», это базис, на основе которого будет развиваться промышленность... это дружеская критика. Если мы говорим о кадрах, кадры – это составляющая концепции развития страны, ее нельзя вычлнять. Часто вспоминаю советский опыт. В советском опыте говорят – индустриализация. Что такое сегодня индустриализация? Надо дать определение и понять изначально. Там было понятие – единый народно-хозяйственный комплекс, в рамках которого было понятно – у нас есть доктрина, мы развиваем космическую отрасль, автомобилестроение, судостроение и так далее. Под это мы формируем институты – научные, НИИ, НИИЦ и так далее, а под это, под научную базу мы формируем кадры.

Разговаривая о кадрах, вы на парня накинулись, а он не при чем, он молодой, разговаривая о кадрах, мы должны определить позицию, что мы развиваем, единый народно-хозяйственный комплекс. Миссия, цели, задачи. Так любая стратегия разрабатывается. Госплан – это составляющая. А просто вычлнять, говорить о кадрах, с моей точки зрения – это просто непрофессионально. Чтобы говорить о кадрах, нам нужно понимать... нам – это всей стране. Сталкиваться, товарищ Смолин подтвердит... в Госдуме проводятся слушания, я не раз присутствовал, забегает какой-то молодой человек, сопляк, лет 40, замминистра. Сидят академики, доктора наук. Сотни предложений из регионов, от производств – такие талмуды готовят. Забежал – мы тут все знаем. И Убежал. Это что такое? Минимум нагрубить хочется, так же нельзя. Априори, когда мы говорим о проблемах, это не только в кадрах, она по стране во всем идет, мы говорим, если на примере дома, мы форточку обсуждаем, сквозняки, а надо говорить о фундаменте.

Первое – нужно совершенствовать систему принятия решений, систему утверждения проектов, систему контроля их реализации, у нас должна быть создана система экспертных советов.

Когда была конституция, о Государственном совете говорили, должна быть система экспертных советов. Я просто поправки готовил, относительно этого отталкиваюсь. В рамках которой в экспертных советах должен быть уровень полномочий, не министр принимать, как ему хочется... Минпромторг 150 контролирует отраслей промышленности, а экспертные советы. Если есть академик, доктор наук, производственник, квоты в экспертный совет, промышленный, если мы собираемся на тематику промышленного сектора, производственники должны присутствовать, научное сообщество, ректоры, ученые. Они решение принимают. Вот в чем проблема в базисе. Надо законодательную систему. Это одно из моих предложений. Системы принятия решений, потому что без этого бесполезно биться о стену. Молодой человек выступал – неолиберализм у нас ушел... какой там ушел? Вашингтонский консенсус – есть определенные признаки. Это центральный банк, вывод средств. Это все продолжается и будет продолжаться.

Подытоживаю. Индустрия 4.0 – для примера, я просто занимаюсь этим исследованием – Китай, Южная Корея, Япония, Германия, США – лидеры, и другие страны, у них эти

программы, десятки программ, я исследованиями занимаюсь, у нас по телевизору это не услышите, это затрагивает фундаментальные проблемы. У нас «Северсталь», «СУЭК», «Газпромнефть», отдельно они и кадры готовят, и развивают индустрию 4.0, это базис для общемировой планетарной системы, а мы не то, что в хвосте болтаемся, а неизвестно где. Если мы на этом аспекте отстанем, у нас не просто регресс в экономике... Сегодня технологии много что определяют.

Говоря о кадрах, в первую очередь – базис, индустрия 4.0 – на основе этого готовить кадры. Это возможно только в рамках единого народно-хозяйственного комплекса. Это не значит, что у всех отберем, это смешанные форматы, вот Глазьев выступает, допустим, интегральный мировой хозяйственный уклад. Возможно, и частная собственность, но системообразующее должно принадлежать государству. И за счет этих средств мы формируем всю научную базу и так далее.

Светлана Данилина: Я благодарю вас за то, что с нами поделились. Вы хотели что-то сказать?

Мужчина 5: Я в двух словах. Все равно наши предложения никому не нужны кроме нас с вами, потому что их никто даже читать не будет. И тем более никто их не будет выполнять. Если вы читали, может быть, экономический форум, я попытался внимательно прочитать основные направления бюджетной и налоговой политики на 2023, 2024, 2025 годы, Минфином подготовлены. Я понял, что нас там не ждут, мы там не стояли. У меня предложение относительно этого. Сейчас материнский капитал дают матерям. В лучшем случае он уходит на частичную оплату обучения в институте, на полную оплату его уже не хватает. Второй путь, куда он уходит, он уходит застройщикам, девелоперам. Деньги надо вкладывать не в матерей, а в детей.

Поэтому, когда я учился в школе, я все время ходил в кружки: В радиокружок, в модельный кружок. Все это было бесплатно. Заводы, которые расположены на территории Нижнего Новгорода, снабжали – я ходил в дворец пионеров – кружки, практически при каждом заводе был свой кружок, радиокружок был при радиозаводах, при авиационном – тоже какой-то кружок был. Мы с детства, с пяти лет занимались, учились работать руками. Сейчас молодежь 40-летняя, половина не сможет розетку поменять в квартире. Для этого есть специально обученные люди, которые ничего не умеют.

Мое предложение – записать в наши предложения, которые, может быть, в Думе будут как-то восприняты, сейчас этот вопрос можно решить созданием этих кружков для детей, для пятых, шестых, седьмых классов. У меня после этого не было вопросов, в какой институт поступать. Откуда взять финансирование, софинансирование – вполне возможно, действовать через губернаторов. Часть регион дает, часть дают предприятия, которые заинтересованы в том, чтобы хотя бы лет через 10 к ним пришли люди, которым это интересно. Если не будет интереса, не будет специалистов.

Второй источник финансирования. Сейчас один из уважаемых президентом чиновников предложил ошкурить наших крупных предпринимателей на 300 млрд.

Будь я предпринимателем, будь у меня хотя бы 100 рублей, я бы и 100 рублей этому человеку не дал, именно потому, что опять куда-нибудь профукают. А в детей вложить, если бы у меня были 100 рублей, я бы в детей и детские кружки вложил. Директора предприятий на местах, я думаю, эту идею могли бы поддержать.

Светлана Данилина: Я абсолютно согласна. Коллеги, мы начали с того, что нам необходимо, чтобы образование, СПО – среднее профессиональное образования, высшие учебные заведения интегрировались, более тесно взаимодействовали с работодателями, с промышленными предприятиями. К этому мы и пришли. Я абсолютно согласна и с тем, что нужно ужесточать комиссии, нужно смотреть, кому мы вручаем самое ценное – наше время, жизнь, здоровье. Я абсолютно согласна с каждым. Я согласна даже со всеми эмоциями, которые вы высказывали, эта болезнь общая, я понимаю. Две минуты у вас.

Мужчина 6: Предложения. Тут все очень просто. Помните великого преображенского профессора? Будете брать газету? Не хочу. Если вы живете в парадигме развития рынка, здесь купи-продай, так и надо жить дальше в этой купи-продай, мы не поменяем, не получится это поменять, как вы это сделаете? Предложение: все очень просто – берем физику, закон сохранения энергии, и энтропию. Она же должна быть не нулевой. Значит надо найти, что кому продать, кто-то должен это купить. Почему не создать технологическую базу между всеми предприятиями, просто узнать, хотя бы срез взять, что надо предприятиям? Я знаю, никто это не делал. Нет, это не госплан. Мы то же самое пытались сделать в медицине, когда хотели посмотреть, что человек захотел стать медиком, дальше его мониторить все время, чтобы через восемь лет в любую точку страны иметь возможность заказать того медика, который нужен. Нам не дали это сделать. Но мы не учли один раздражающий фактор, его надо учитывать. Государство является раздражающим фактором, оно не даст закончить это, парадигмы нет. Что вы все время боитесь сказать? Государству это не нужно. У рыночной экономики задача другая.

Если мы хотим что-то создать, все промышленники, все IT... почему нет симбиоза IT и промышленности? Его нет В IT денег – безумно. Вся промышленность деньги ищет в банке, почему промышленность не ищет деньги в IT? Вот вам, пожалуйста, берите. Пусть IT пухнет и возвращает в промышленность. Самая стандартная схема очень простая – сделайте срез между промышленниками, подключите айтишников, которые вам этот срез дадут. И все тогда будет. А вы говорите о том, что учитель нужен хороший. При чем здесь учитель?

Роберт Нигматулин: Уважаемые коллеги, я боюсь, что я среди вас мало того, что самый старший, но все-таки я много лет посвятил лекциям, писанию учебников. У меня представление, что все, кто здесь выступали, если и провели один-два урока, и все. Нельзя так, я вас призываю. Прежде чем говорить об образовании, сначала получите этот опыт. Поработайте в школе, в вузе, в детском саде, а потом высказывайтесь. Так же нельзя! Вы

же русская интеллигенция. Какой вы заказ можете сделать? Друзья мои, будьте скромнее. Так нельзя. как хотите, конечно...

Светлана Данилина: Коллеги, у нас сегодня на этом форуме самая жаркая, эмоциональная, восхитительная дискуссия. Я всех благодарю за то, что приняли участие. Если появляются предложения, пишите на сайте нашего форума. Спасибо огромное.